

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 167.7

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-50-60

КОНСЕНСУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Агафонов Е.А.

*Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний России,
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2*

Аннотация. В статье обоснована актуальность проблемы консенсуальной методологии, диалога когнитивных практик в анализе соотношения *западноевропейской человекоцентристской концепции*, ориентированной на понимание права как формы индивидуальной свободы человека, и *российской системоцентристской*, рассматривающей право и благо как высшее, господствующее над индивидом начало. На основе исследования трудов Б.Н. Чичерина, В.С. Соловьёва, Е.Н. Трубецкого, Н.Н. Алексеева и произведений А.С. Пушкина определён вклад представителей русской духовной культуры и философии права в разработку диалогического, интегрального, синтетического подхода к анализу проблем взаимосвязи личности и общества, права и нравственности, внешней и внутренней свободы, закона и власти. Показана роль и значение правового образования, нравственного самосознания, гражданского общества и правового государства в формировании мировоззрения и поведения людей в условиях тотального, всеохватывающего влияния средств массовой информации.

Ключевые слова: консенсуальная методология, философия права, человекоцентризм, системоцентризм, личность, общество, право, нравственность, свобода, закон, власть, интегральный синтез, информационное общество, правовое образование, нравственное самосознание.

A CONSENSUAL APPROACH TO THE PROBLEM OF EUROPEAN – RUSSIAN CORRELATION OF PHILOSOPHY OF LAW CONCEPTS

Ye. Agafonov

*Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penitentiary Service
2 Shchetinina Street, 160002, Vologda, Russian Federation*

Abstract. The article proves the urgency of the problem of consensual methodology, a dialogue of cognitive practices in the analysis of the correlation of Western European human-centered concept striving to interpret the law as a form of individual freedom and the Russian system-centered concept considering the right and the good as the highest entity dominating the individual. Based on the research of the works by B.N. Chicherin, V.S. Soloviev, E.N. Trubetskoy, N.N. Alekseev and A.S. Pushkin the author of the article identifies the contribution of the representatives of the Russian spiritual culture and philosophy of law into the development of a dialogical, integral and synthetic approach to the analysis of the problems of interrelation of the individual and society, law and morality, external and internal freedom, law and power. The role and value of legal education, moral identity, civil society and legal state is shown in shaping the people's attitudes and behaviour under the conditions of total, all-encompassing influence of mass media.

Key words: consensual methodology, philosophy of law, human-centeredness, system-centeredness, personality, society, law, morality, freedom, authority, integral synthesis, information society, legal education, moral self-consciousness.

Одной из актуальных проблем философии науки является вопрос о соотношении «несоизмеримых теорий», возможности преодоления диссенсуса и достижения консенсуса в их обсуждении. Сегодня иным образом, по сравнению с традиционной теорией познания, решается проблема истинности, ибо «ни одна из прежних научных теорий, претендовавших в своё время на статус абсолютно объективной истины, не выдерживала последующей проверки на сохранение этого статуса» [5, с. 61]. Этим объясняется актуальность разработки консенсуальной методологии, «достижения согласия среди членов научного сообщества по вопросу о том, считать ли некоторую единицу научного знания истиной, т. е. полностью соответствующей своему объекту...» [5, с. 61].

В контексте необходимости применения к конкретно-научному знанию консенсуальной методологии особый интерес представляет сопоставление западноевропейской человекоцентристской и отечественной системцентристской философии права, возможность синтеза их позитивных моментов, осознания «присутствия в них ряда познавательных приёмов и методов, позволяющих осуществлять различные формы диалога и взаимодействия...» [6, с. 17].

Актуальность проблемы обусловлена также тем, что «в последние десятилетия в России не прекращаются споры о том, какая система государственного устройства наиболее приемлема для нашей страны» [3, с. 90]. В центре критического анализа оказывается западноевропейский «либеральный проект»

так называемых «цивилизованных» стран, которые рассматривают его как «единственно возможную перспективу общественного развития» [3, с. 91]. Так, авторы статьи «Интеллектуальные интуиции евразийской философии права» утверждают, что «евразийская философия права является результатом критики теоретических оснований западноевропейской философии Нового времени с использованием категориального аппарата феноменологии, аксиологии, психологии права» [8, с. 51]. При этом отмечается, что в самой методологии евразийцев отсутствовало «нигилистическое отношение к правовой культуре Европы, но они во многом исходили из критики европоцентризма в философии государственной науки, предлагая своё видение развития современной философии политики и права» [8, с. 55].

Необходимость преодоления диктата позиции европоцентризма, в соответствии с которой «мерилом» философии «является исключительно западная мысль» [13, с. 150], находится в центре внимания и появившегося в 80–90-х гг. XX в. нового направления в отечественной науке – межкультурной философии, предполагающей «трансформацию философии, исходя из принципа «когнитивной скромности», т.е. признания того, что западный тип философствования не является единственным» [13, с. 150]. Такой подход делает возможным и необходимым не только диалог и расширение горизонта философской рефлексии, но и «выход за рамки «когнитивной скромности» к углублённому изучению и восприятию обогащающих идей и концепций другой культуры» [13, с. 159]. Синтез разнообразных подходов может стать

основой «открытия новых, ранее неизвестных решений универсально значимых проблем» [13, с. 160], к которым, без сомнения, относится сравнительный анализ западноевропейской и российской концепций философии права.

Западноевропейская человекоцентристская и отечественная системоцентристская концепции философии права

В основе западноевропейской философско-правовой традиции лежали основные идеи древнегреческой философии и римской юриспруденции, заложившие принципы естественно-правовой концепции, ориентированной на «понимание права как формы индивидуальной свободы человека в общественной жизни» [4, с. 4]. В центре внимания такого подхода лежало понятие общего блага, при котором «обеспечивается выражение и защита блага каждого члена общества, исходя из естественно-правового принципа справедливости, выраженного формулой «каждому – своё: равным – равное, неравным (соответственно) неравное» [4, с. 4].

В общих чертах такое внутренне противоречивое понимание блага и справедливости было изложено уже Платоном, который в диалоге «Государство» утверждал, что «справедливость состоит в том, чтобы каждый имел своё и исполнял тоже своё» [9, т. 3, ч. 1, с. 225]. Далее, в «Законах» – ещё более конкретно и однозначно: «Было бы прекрасно, если бы каждый член колонии обладал и всем остальным имуществом в равной доле со всеми. Но это невозможно: один явится, об-

ладая бóльшим имуществом, другой – меньшим. Поэтому, а также по многим другим причинам для удобства и равной доли для всех в государстве надо установить неравный имущественный ценз» [9, т. 3, ч. 2, с. 219].

Европейская естественно-правовая концепция, испытав в процессе своего исторического развития влияние идей нравственного христианского милосердия, в целом «не вышла за рамки правовой человекоцентристской ориентации и не слишком глубоко затронула ключевую для правопонимания проблему соотношения общего и личного блага» [4, с. 4]. При таком подходе право рассматривается как приоритетная ценность (по сравнению с регуляторами нравственного и религиозного характера), обеспечивающая индивидуальную свободу человека, т.е. «возможности человека действовать в соответствии со своей разумной свободной волей...» [4, с. 5].

Русская правовая концепция, в отличие от западноевропейской, развивалась под влиянием системостранственной византийской духовной традиции, в которой право трактовалось как «некая стоящая над отдельным человеком и подчиняющая его форма духовного единения людей на базе правды-справедливости, божественной благодати, христианской этики и т.д.» [4, с. 4]. Становление и развитие русского самосознания, тема человечности с самого начала опирались на идею соборности, поэтому всё содержание антропологического горизонта раскрывалось в виде социализированной реальности, а мышление утверждалось как «сознание, участие – как со-участие, действие как со-действие» [8, с. 54].

Осмысление основных идей западноевропейской правовой концепции в России началось в середине XVIII в. и было продолжено в конце XIX – начале XX в. Однако в отечественной философии права человекоцентристский подход к правопониманию не занял определяющего места; более того, в понимании проблемы общего блага преобладал «не универсалистский (западный), а соборно-коллективистский (византийский) подход, согласно которому общее благо рассматривалось как некое высшее, господствующее над индивидом начало» [4, с. 5].

Критическое отношение к вопросу о соотношении личности и общества было присуще и представителям русского либерализма, которые считали ложными два главных принципа классической западноевропейской традиции – «приоритет личности над обществом и сведение свободы личности к внешней свободе (выбору)» [3, с. 90]. Однако, наличие только внешней свободы, которая во многом определяется средой, влиянием государства на принимаемые гражданами решения, превращает человека, как писал Б.Н. Чичерин, «в страдательное оружие внешних сил, так как он становится, с одной стороны, игрищем физических условий, с другой стороны, куклою в руках правительства, которому вследствие того фаталисты приписывают власть делать из граждан всё что угодно, давать народу любой характер, нравы и направление» [17, с. 156–157]. Поэтому главная роль в вопросе соотношения личности и общества, с точки зрения представителей русского либерализма, должна принадлежать не внешней, а внутренней свободе, духовной, понимаемой не как отсутствие

внешних ограничений, а как «внутреннее, сущностное, духовное качество, наиболее полно выражающееся в акте творчества» [3, с. 99].

Нравственные искания представителей русской философско-правовой мысли, критика ими бездуховного рационализма и формализма правовых западноевропейских концепций не прошли бесследно и во многом предопределили современную правовую европейскую позицию, так как «практические европейцы всё чаще анализируют сложившуюся экономическую и правовую ситуацию не с позиций доктрины свободного рынка, а в терминах моральной философии» [4, с. 7]. Это не означает, что *человекоцентристская* западноевропейская правовая концепция может быть просто заменена российской *системоцентристской*. Вместо замены одной концепции другой, противоположной, необходимо осознание того обстоятельства, что «рациональное начало «римской идеи» должно быть взаимоувязано с солидаристскими основаниями «русской идеи» в рамках единого подхода к правопониманию<...>, выработке так называемого интегрального или синтетического понятия права, которое согласовывало бы между собой разум и дух, свободу и милосердие, право и правду, индивидуальное и социальное начала» [4, с. 7].

Консенсуальный подход к пониманию права в отечественной философии

Основы синтетического подхода к пониманию соотношения права и нравственности, личной свободы и общего блага были заложены В.С. Со-

ловьевым, который отмечал, что «действительное противоречие и несовместимость существуют не между правом и нравственностью, а между различными состояниями как правового, так и нравственного сознания» [12, с. 444]. Анализируя соотношение «нравственного права» и «нравственной обязанности», он, с одной стороны, говорил о различии между ними, так как кроме нравственного права, например, «права моего врага на мою любовь» [12, с. 447], есть ещё право «в другом, тесном смысле, или *право как такое*, которому нравственный характер не принадлежит как его прямое и ближайшее определение» [12, с. 447].

Выделяя три главных различия между юридическим и нравственным началами, Соловьёв писал, что, во-первых, «*право есть низший предел или определённый минимум нравственности*» [12, с. 448], во-вторых, «право есть требование *реализации* этого минимума, т.е. *осуществления определённого минимального добра...*» [12, с. 449]; в-третьих, реализация этого требования «допускает прямое или косвенное *принуждение...*, ибо никакой искренний человек не станет серьёзно уверять, что одним словесным убеждением можно сразу прекратить все убийства, мошенничества и т.д.» [12, с. 450]. Соединяя вместе три указанных признака различия между юридическим и нравственным началами, Соловьёв даёт синтетическое, интегральное определение права в его соотношении с нравственностью: «*Право есть принудительное требование реализации определённого минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла*» [12, с. 450].

Дав такое определение права, предполагающее элемент принуждения, и предвидя возражения как со стороны *человекоцентристской*, ориентированной на приоритет свободы, так и *системоцентристской* концепции, признающей примат нравственности, духовности, Соловьёв утверждал, что требование необходимости соединения принудительного порядка с нравственным вытекает из того, что нравственная задача не является чисто теоретической, отвлечённой, индивидуальной. Человек живёт в обществе, поэтому «нравственный интерес требует, чтобы личная свобода не противоречила условиям существования общества...» [12, с. 451]. Поэтому принудительный закон представляет собой «*необходимое условие нравственного совершенствования* и, как таковое, *требуется самим нравственным началом*, хотя и не есть его прямое выражение» [12, с. 452].

В последующем о необходимости понимания соотношения внешней и внутренней свободы в трактовке права писал Е.Н. Трубецкой, который признавал, что «право предполагает свободу в двояком смысле: во-первых, как способность нашей воли сознательно избирать то или другое поведение (свобода внутренняя) и, во-вторых, как возможность действовать вовне, преследовать и осуществлять какие-либо цели в мире внешнем (свобода внешняя)» [14, с. 594]. Однако, несмотря на то, что *где нет внешней свободы, там нет и самого права*, «свобода, как субъективный, личный элемент права, не исчерпывает собою его сущности» [14, с. 594]. Поэтому, вопреки разнообразию нравственных понятий у различных народов, все они сходятся

между собой в том, что «человек должен поступаться некоторыми личными интересами ради блага общего...» и что «именно в этом принципе всеобщей человеческой солидарности выражается не преходящая точка зрения той или другой исторической эпохи, а вечный непреложный закон добра» [15, с. 311–312].

Вопрос об относительной значимости западноевропейских правовых концепций находился и в центре внимания одного из создателей евразийской модели государственного устройства России – Н.Н. Алексева, который считал, что «в области изобретения и реализации новых идей творческая фантазия западноевропейского человечества достигла результатов гораздо более скромных, чем в сфере познания природы и в технических изобретениях» [1, с. 704]. Более того, европейские достижения в области познания политических форм, по его утверждению, «кажутся совершенно ничтожными по сравнению с продуктами новой науки и техники» [1, с. 704].

В связи с этим, Алексеев ставил вопрос о том, не достигла ли классическая западноевропейская вера во всеисцеляющую силу политических учреждений (нашедшая своё проявление и в доктрине социализма) той кульминационной точки, того поворота, за которым неизбежным становится признание «ценности другого, ныне забытого и многими пренебрегаемого плана усовершенствования человеческой жизни путём усовершенствования отдельного человека, как проблемы первоначальной и самостоятельной» [1, с. 704].

В этом контексте Алексеев рассматривал государство как постоянную

точку социальных связей, а идеальным типом социальных отношений, в противовес позиций социального индивидуализма и социального универсализма, считал смешанный тип. Предпосылкой и основанием такого типа социальных отношений, с его точки зрения, является «одинаковая ценность отдельной личности и общества, а социально-политическим заданием – осуществление равновесия между личными и общественными силами, существующими в различных конкретных формах при различных социально-экономических условиях и в различные исторические эпохи» [1, с. 703].

Такой подход к пониманию наиболее приемлемого типа государства был направлен на преодоление трудностей как либерализма, так и консерватизма, и закладывал основы синтеза этих концепций, так как «ни либерализм, ни консерватизм не являются полноценными политико-философскими теориями, а представляют собой диалектическую пару философских абстракций» [16, с. 76], поэтому позиция, абсолютизирующая «роль индивидуальной воли либо государственного принуждения», приводит к трудностям, которые «непреодолимы в теории и опасны на практике» [16, с. 77].

Комплекс проблем, поставленных отечественной философией права в конце XIX – начале XX века, и в настоящее время «остаётся в центре внимания дискуссий о понимании права» [4, с. 9]. Ограниченные рамки статьи не позволяют дать обзор многообразия точек зрения в современной отечественной философии права на соотношение основных идей человеко-

центристской и системоцентристской концепций философии права – коммуникативной (А.В. Поляков), либертарно-юридической (В.С. Нерсисянц) и др. [7; 10]. Однако их анализ позволяет сделать вывод о том, что результатом обсуждения, в конечном счёте, является выявление всё того же диссенсуса, противоречий в вопросе о соотношении права и морали, личности и общества, государства и власти. В связи с этим особую теоретическую и практическую значимость сегодня приобретают те позитивные моменты и выходы на возможность консенсуса в соотношении различных точек зрения, которые имели место в истории отечественной философии права.

Среди таких позитивных подходов, имеющих место в русской философии и культуре, помимо уже представленных взглядов Б.Н. Чичерина, В.С. Соловьёва, Е.Н. Трубецкого, Н.Н. Алексеева, можно отметить вполне консенсуальную, конструктивную, философскую позицию А.С. Пушкина, который стремился найти срединную линию между различными концепциями, в частности, «он не считал, что власть не вытекает полностью из природы, поскольку в таком случае её господство опирается на силу, скептически он относился и к идее договора» [18, с. 125]. Вместе с тем, Пушкин находился в «полном согласии с теми учениями о природе власти, которые мы находим в древнерусской письменности; ибо ясно видно стремление подчинить власть закону в широком смысле этого слова» [2, с. 130].

Пушкин, по утверждению В.Е. Вальденберга, приближался к «некоторым теориям современного государствоведения, где в противоположность де-

мократическим учениям 2-й половины XVIII века, всё больше получает признание мысль, что и демократическое государство связано правом...» [2, с. 130]. Ставя вопрос о соотношении свободы, совести и закона, Пушкин считал, что свобода «возможна лишь при условии уважения к закону, но уважения не со стороны одних только подданных, но прежде всего самой верховной власти» [18, с. 125]. Поэтому, не случайно ода «Вольность» Пушкина заканчивается обращением к царям: *Склонитесь первые главой / Под сень надежную закона, / И станут вечной стражей трона / Народов вольность и покой* [11, с. 324].

Проведённый анализ сущности западноевропейской человекоцентристской концепции, рассматривающей право как форму индивидуальной свободы человека в общественной жизни, и отечественной системоцентристской, трактующей право, общее благо как некое высшее, господствующее над индивидом, нравственное начало, показывает, что противоречия, имеющиеся между ними, могут и должны быть устранены на основе диалога, синтеза, интегрального подхода, консенсуальной методологии, в разработку которой внесли большой вклад представители русской духовной культуры и философии права.

В основе преодоления абсолютизированных, односторонних подходов, взаимодополнения позитивных моментов, имеющих место, как в западноевропейских, так и отечественных концепциях философии права, лежит понимание необходимости взаимосвязи личности и общества, внешней

и внутренней свободы, права и ответственности, закона и власти. Такой консенсуальный подход к пониманию соотношения права и морали, свободы и правового принуждения, необходимости морального, нравственного самосознания становится особенно значимым в эпоху информационного общества, тотального внедрения средств массовой информации во все сферы жизни общества, в том числе и в систему образования, воспитания, формирования массового сознания.

Недостаточность понимания свободы только как свободы выбора, отодвигающего в сторону роль и значение внутренней духовной свободы, в XX в., в эпоху всеохватывающего, подавляющего влияния средств массовой информации на мысли, суждения и поведение индивидов, привела к тому, что «в реальном осуществлении либеральная идеология оказалась самой изощрённой и эффективной формой *духовного тоталитаризма*, а результатом её складывания в западном обществе стала происходящая в наши дни радикальная *антропологическая катастрофа*, подобно которой человечество, возможно, не знало за всю свою историю» [3, с. 96]. Этим обуславливается необходимость и значимость роли систематического правового образования и нравственного воспитания, формирования правового государства, предполагающих осознанное понимание взаимосвязи права и нравственности, личности и общества, внешней и внутренней, духовной свободы, власти и закона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Н.Н. Идея государства // Правовая мысль: Антология / авт.-сост. В.П. Малахов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 702–704.
2. Вальденберг В.Е. Комментарий к оде «Вольность» // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 126–134.
3. Евлампиев И.И. Актуальные уроки русского либерализма. Статья первая: Критика западной традиции // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 90–99.
4. Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 3–14.
5. Лебедев С.А. Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 53–64.
6. Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 575 с.
7. Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. 2-е изд. М.: Норма, 2006. 848 с.
8. Осипов И.Д. Интеллектуальные интуиции евразийской философии права / Осипов И.Д., Соколов А.М., Стребков А.И. // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 51–58.
9. Платон. Сочинения в 3-х томах. М.: Мысль, 1968–1971.
10. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 642 с.
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 тт. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 535 с.
12. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1988. С. 47–549.
13. Степанянц М.Т. От европоцентризма к межкультурной философии // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 150–162.
14. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права // Правовая мысль: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 593–598.
15. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. 543 с.
16. Чалый В.А. Ограничить вольность, чтобы освободить место свободе: либерализм, консерватизм и философия Канта // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 66–78.
17. Чичерин Б.Н. История политических учений. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. Т. 2. 746 с.
18. Чумакова Т.В. Работы В.Е. Вальденберга по истории философии права // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 122–125.

REFERENCES:

1. Alekseev N.N. Ideya gosudarstva [The Idea of the State] // Pravovaya mysl': Antologiya / avt.-sost. V.P. Malakhov [Legal Thought: An Anthology / ed.-comp. V.P. Malakhov]. M.: Academic project; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2003, pp. 702–704.
2. Val'denberg V.E. Kommentarii k ode «Vol'nost'» [Commentaries on the Ode «Liberty»] // Voprosy filosofii. 2015. No. 6, pp. 126–134.
3. Yevlampiev I.I. Aktual'nye uroki russkogo liberalizma. Stat'ya pervaya: Kritika zapadnoi traditsii [The Relevant Lessons of Russian Liberalism. Article I: a Critique of the Western Tradition] // Voprosy filosofii. 2015. No. 6. Pp. 90–99.
4. Lapaeva V.V. Rossiiskaya filosofiya prava v kontekste zapadnoi filosofsko-pravovoi traditsii [Russian Philosophy of Law in the Context of Western Philosophical and Legal Tradition] // Voprosy filosofii. 2010. No. 5. Pp. 3–14.
5. Lebedev S.A. Peresborka epistemologicheskogo [Rebuilding the Epistemological] // Voprosy filosofii. 2015. No. 6. Pp. 53–64.

6. Mikeskina L.A. Dialog kognitivnykh praktik. Iz istorii epistemologii i filosofii nauki [The Dialogue of Cognitive Practices. From the History of Epistemology and Philosophy of Science]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. 575 p.
7. Nersesyants V.S. Filosofiya prava: Uchebnik dlya vuzov. 2-e izd. [Philosophy of Law: Textbook for Universities. 2-e izd.]. M.: Norma, 2006. 848 p.
8. Osipov I.D. Intellektual'nye intuitsii evraziiskoi filosofii prava / Osipov I.D., Sokolov A.M., Strebkov A.I. [Intellectual Intuition of the Eurasian Philosophy of Law / Osipov I.D., Sokolov M.A., Strebkov A.I.] // Voprosy filosofii. 2015. No. 10. Pp. 51–58.
9. Platon. Sochineniya v trekh tomakh [Plato. Compositions in three volumes]. M.: Mysl', 1968–1971.
10. Polyakov A.V. Obschchaya teoriya prava. Kurs lektsii [General Theory of Law. A Course of Lectures]. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2001. 642 p.
11. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh. T. I. [Complete Works in Ten Volumes. V. I]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 535 p.
12. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [The Justification of the Good. Moral Philosophy] // Solov'ev V.S. Sochineniya v 2 t. T. I. [Soloviev V.S. Works in 2 vol. V. I]. M.: Mysl', 1988. Pp. 47–549.
13. Stepanyants M.T. Ot evropotsentrizma k mezhhkul'turnoi filosofii [From Eurocentrism to Intercultural Philosophy] // Voprosy filosofii. 2015. No. 10. Pp. 150–162.
14. Trubetskoi E.N. Lektsii po entsiklopedii prava [Lectures on the Encyclopedia of Law] // Pravovaya mysl': Antologiya [Legal Thought: an Anthology]. M.: Academic project; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2003. Pp. 593–598.
15. Trubetskoi E.N. Trudy po filosofii prava [Works on the Philosophy of Law]. SPb.: Izd-vo RKHGI, 2001. 543 p.
16. Chalyi V.A. Ogranichit' vol'nost', chtoby osvobodit' mesto svobode: liberalizm, konservatizm i filosofiya Kanta [To Limit Liberty to Give Way to Freedom: Liberalism, Conservatism, and Kant's philosophy] // Voprosy filosofii. 2015. No. 9. Pp. 66–78.
17. Chicherin B.N. Istoriya politicheskikh uchenii [The History of Political Doctrines]. St.Pb.: Izd-vo RKHGA, 2008. T. 2. [St.Pb.: Publishing House of RHGA, 2008. T. 2], 746 p.
18. Chumakova T.V. Raboty V.E. Val'denberga po istorii filosofii prava [Waldenberg on the History of Philosophy of Law] // Voprosy filosofii. 2015. No. 6. Pp. 122–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Агафонов Евгений Александрович - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории ФКОУ Вологодский институт права и экономики ФСИН России ;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yevgeny Aleksandrovich Agafonov – Ph.D., Associate Professor of Philosophy and History of Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penitentiary Service;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Агафонов Е.А. Консенсуальный подход к проблеме соотношения европейской и российской концепций философии права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 50-60
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-50-60

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Ye. Agafonov. A CONSENSUAL APPROACH TO THE PROBLEM OF EUROPEAN – RUSSIAN CORRELATION OF PHILOSOPHY OF LAW CONCEPTS / Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 2. pp. 50-60
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-50-60